

Анна Смерчек

Навсегда твоя...

12+

Анна Смерчек
Навсегда твой...

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Смерчек А.

Навсегда твой... / А. Смерчек — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Среди старых фотографий Ольга находит фронтовое письмо деда и решает узнать о его судьбе. В этом девушке готов помочь Андрей - её новый знакомый. Жизнь деда оказывается тесно связана с историей Ленинграда и нашей страны. Только кто на самом деле этот Андрей, и можно ли верить его неправдоподобной теории о том, что случилось с Олиным дедом? Постепенно воспоминания переплетаются с современностью, а детские сказки становятся явью, навсегда меняя жизнь Ольги.

Содержание

Навсегда твой	5
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Навсегда твой

*Это в белом конверте
Ему пишет зима.
Обещанье бессмертья –
Содержанье письма.
Как красив ее почерк!
Не сказать никому.
Он читает листочек
И не верит ему.*

Александр Кушнер

*Небо над городом, полное звезд –
Мы так похожи...
Смотрим друг другу в глаза и мороз по коже,
Смотрим друг другу в глаза и по коже мороз.
Всё несерьёзно и всё не всерьёз,
Линия жизни становится строже.
Плачем от счастья, смеёмся до слёз –
Мы так похожи...*

Александр Васильев

Что хотела сделать? Забыла. Уже в пальто, в ботинках вернулась в комнату, остановилась на пороге. Что-то собиралась сказать, рот открыла, а слова просыпались, маленькими гулкими шариками проскакали по полу, закатились под диван, пропали в пыльной темноте. И всё, не вспомнить уже, зачем возвращалась. Что-то я сегодня какая-то потерянная.

Вышла из квартиры, спустилась по лестнице, и когда за спиной закрылась дверь парадной, сразу вспомнила, что забыла часы. Я даже знаю, где они остались лежать: под монитором среди учебников и тетрадных листков. Без часов на руке неудобно. Стою, думаю: может, вернуться? А с той стороны, через дорогу, через поток машин парень какой-то смотрит на меня. Кто-то из моих студентов? Да нет, точно нет. Просто, наверное, странно ему: девушка выскочила на улицу, вдруг остановилась и стоит на полуслове. Нет, так не говорят. На полушаге? Ладно, часы есть в мобильном. Возвращаться плохая примета, и опаздывать не люблю.

Ветер подгоняет в спину, сейчас мне предстоит совершить марш-бросок до метро. Вокруг скользят по льду, бегут по своим делам, так же как я, подняв плечи, опустив головы, промокшие и замерзшие пешеходы. Кажется, что у них нет лиц: только низко надвинутые шапки, плотно натянутые капюшоны, высоко поднятые воротники. Мимо ползут машины, нервно гудят: тоже не любят опаздывать. Под ногами вода: целые реки мартовской талой воды с островками льда и асфальта. Сверху тоже вода: пополам с размокшими снежными хлопьями летит в лицо с низких белесых туч. Как там в песне: «У природы нет плохой погоды... тара-тара-там... надо благодарно принимать». Превращаю в речёвку, в такт шагам в ритме марша повторяю про себя: «На-до-бла-го-дар-но-при-ни-мать».

– ...мать! – мужчина, идущий впереди, смешно взбрыкивает на льду, чудом не падает. У меня такое чувство, что это последний слог речитатива выскользнул у меня из головы и отскочил по льду прямо ему под ноги. Оборачиваюсь зачем-то. Как будто хочу проверить, не

заметил ли кто, что я своими мыслями чуть человека не уронила. И вижу снова на другой стороне улицы, на фоне темной арки проходного двора того парня, который смотрел на меня возле дома. По спине пробегает тревожный холодок. Да нет, это просто мартовская сырость пробралась за воротник пальто. А этому парню просто, наверняка, тоже к метро, в ту же сторону, что и мне.

Глупо было устраиваться на работу так далеко от дома: почти час добираться. Зато работа для филолога неплохая, можно сказать, почти по специальности. Вяло подтягиваются мои студенты, рассаживаются за парты, кабинет почти ощутимо затягивает мутноватая дымка их сонного безразличия. Пять минут до начала пары. Неудобно без часов на руке. Где-то я читала, что человек ничего не забывает и не теряет случайно. Если забыл дома ежедневник – значит, не хотел делать записанные в нём на сегодня дела, если оставил где-то телефон – значит, устал от постоянных звонков.

– *Зачем нам английский?* – задает мне контрольный вопрос почти на каждом занятии кто-нибудь из семнадцати будущих бухгалтеров. Раньше в моём арсенале были припасены разные ответы:

«Поедете за границу и будете чувствовать себя там уверенно».

«Чтобы быть культурным/современным/разносторонним человеком».

«Для развития памяти».

«Чтобы потом не приглашать ребёнка репетитора по английскому».

«Чтобы понимать, о чём в популярной песне поется».

«Чтобы не купить футболку с дурацкой надписью».

«Чтобы набить татуировку без грамматических ошибок»

Студенты в ответ вяло отстреливались:

«А мы через гугл-переводчик».

«А мы и так культурные».

«А нам не надо понимать».

За полгода пререканий я устала, оставила в обойме один прицельный: «Затем, что этот предмет стоит в программе, а в конце года – экзамен». И всё, наповал. Только вылетевший из ствола дымок задуть. Я не люблю, когда приходится с кем-то воевать: с ветром и льдом на улице, с некоторыми моими студентами в классе. В этой группе таких студентов, с которыми приходится воевать, трое. В прошлом семестре их было четверо, но одного отчислили за неуспеваемость. Остальные ребята, вроде бы, неплохо занимаются, но война с этой троицей выматывает, к концу занятий каждый раз чувствую только опустошенность и усталость.

Сегодня из семнадцати – четырнадцать девушек и трое парней – пришло двенадцать. Двое болеют, трое прогуливают. Не думаю, что по такой погоде они именно *прогуливают*, скорее просто проспали.

– Open your books please. Page 58¹.

Студенты мои уныло поскрипывают стульями, медленно переползают со строчки на строчку. За окном метет всё сильнее.

– The role of manager is... – крашеная блондинка Юля старательно ведёт ярким маникюром по строчке, – in our country is²... ой, Ольга Александровна, а у вас телефон звонит.

– Спасибо, Юля, я вижу, – я вижу, что он глухо вибрирует передо мной на столе, требовательно высвечивая «Мама».

– Да вы поговорите, – кивает Алина, – мы вам разрешаем.

¹ Откройте учебники, пожалуйста. Страница 58 (англ.)

² Роль менеджера... в нашей стране (англ.)

– Невежливо не отвечать, вдруг что-то важное, – замечает Юля, переглядываясь с остальными. Шепоточки хитрыми змейками скользят по партам. Не дождетесь, дорогие мои. Я понимаю, что вам очень хочется выкроить из отведенного на английский язык времени хоть пять минут на разговоры, которые не имеют отношения к уроку. Кроме того, я догадываюсь, что стоит ответить на звонок, и Алина на ближайшей перемене побежит доносить завучу, что учитель во время урока говорил по телефону. И завуч Вероника Степановна своим звучным голосом непременно потом в учительской при всех меня за это отчитает. А я буду стоять перед ней и оправдываться, точно я не преподаватель, а сама ещё девчонка, и получила двойку или хулиганила. Поэтому телефон ещё долго вздрагивает передо мной на столе, а я пытаюсь пока не думать о том, какие мамины слова рвутся ко мне с такой срочностью, что не могут подождать оставшиеся до перемены двадцать минут.

– Alina, read the next sentence please³.

– Почему я? Вон Артём ещё не читал! – Алина покачивает ножкой на высоком каблуке в сторону Артёма, который сидит за последней партой. Он положил голову на руки и не реагирует. Мне кажется, он спит. Не перестаю удивляться: как троих мальчишек занесло в этот цветничок? Трое будущих бухгалтеров? Странно, я никогда не видела в бухгалтериях мужчин.

На перемене спускаюсь на первый этаж. Здесь нет учебных аудиторий, и стоя в пустом, гулком холле я перезваниваю маме.

– Оля! Ты почему трубку не берешь? Оля, ты меня слышишь?

Мама сыплет в телефон частыми мокрыми словами. Боже мой, она плачет?

– Оля! Оля! Бабушка Зинаида умерла!

Умерла бабушка Зинаида Георгиевна. Сколько ей было? Кажется, восемьдесят четыре. Бабушка – какое теплое и уютное слово. Запах только что испеченного пирога, постукивание вязальных спиц. Но только всё это не про Зинаиду Георгиевну. Она и слово-то это не очень любила, требовала, чтобы при посторонних я называла её только по имени и отчеству. Никаких «бабушек» с «бабулями» или тем более «баб Зин» на люди выносить было нельзя. Когда мне было лет пять, а может, даже меньше, выговорить такое сложное имя и тем более отчество я не могла. Так из неудачных вариантов моего произношения постепенно Зинаида Георгиевна Зимина превратилась в Зимаиду Оргиевну. На «Зимаиду» мама умилялась, говорила, что это даже поэтично, словно бабушкины седины снегом припорошило, да и с фамилией созвучно. А вот переделанное отчество каждый раз, когда мы её так – за глаза, конечно, – называли, маму очень возмущало. Зинаида Георгиевна ведь её мама. Со временем, правда, она научилась делать вид, что не слышит. Всё понятно, мне бы тоже было неприятно, если бы мою маму называли как-нибудь так.

Переделанное отчество прижилось совсем не случайно. Не знаю, существовал ли на свете такой человек, которому было бы легко с Зимаидой Оргиевной. Она постоянно и остро переживала всё несовершенство этого мира, а своими наблюдениями делилась очень охотно, громко и совершенно бестактно. Она никогда не сомневалась в своей правоте и всегда знала, как должно быть. Только «как должно быть» почти никогда и ни у кого не было. Сколько себя помню, в глазах бабушки я никогда не умела себя вести и всегда выглядела нездоровой. Родители, с её точки зрения, работали не там, где следовало бы, квартиру умудрились обставить совершенно безвкусной мебелью, да и вообще всё у них было неправильно. Сама она жила в коммуналке, уезжать из которой наотрез отказывалась. Соседи и весь коммунальный быт были, конечно же, неисчерпаемой темой для недовольства и возмущения. Я виделась с бабушкой в послед-

³ Алина, прочитайте, пожалуйста, следующее предложение! (англ.)

ний раз, наверное, неделю назад. Она сказала, что носить распущенные волосы неприлично и потребовала, чтобы я сделала какую-нибудь причёску. Напоила чаем с конфетами.

И вот Зинаиды Георгиевны, Зимаиды Оргиевны, не стало. Кстати, до последнего дня она сохраняла ясное сознание и завидную для такого возраста энергию. Иногда только память подводила.

Похороны были через три дня, и снова с неба летели белые мокрые хлопья. Казалось, что кто-то в небесной канцелярии нашел неизрасходованные мешки со снегом и всё вытряхивал и вытряхивал их над городом. Этот кто-то знал, что к следующей зиме срок хранения снега уже истечет, и спешил потратить все снежные запасы до конца марта. Присыпанное снегом кладбище выглядело не таким траурным. Чёрная мокрая земля была прикрыта тонким, но всё-таки белым слоем снега – как будто чёрный кусок хлеба бумажной салфеткой.

На похоронах, кроме родителей и меня, была ещё горстка старушек. Они всё время держались вместе – сказали, что когда-то работали с Зимаидой. Хотя, вообще-то, она давно была на пенсии. Работала она в Лесопилке, то есть в Лесотехнической академии, хотя и не преподавала. Была чем-то вроде делопроизводителя, я не помню точно, как её должность называлась. Но мама всегда говорила, что она «всю жизнь с бумажками возилась». А папа добавлял: «Ну конечно, её к студентам допускать нельзя было! Она бы там всех своими нотациями распугала». Мама даже не сердилась, только плечами пожимала. Теперь она плакала. Старушки молчали, стояли, опустив глаза к земле. Когда всё закончилось, они по очереди стали подходить к нам. Кивали, говорили что-то вежливое, сочувственное и уходили. Удалялись темными силуэтиками по заснеженной кладбищенской дорожке, как будто ветер гнал пожухшие прошлогодние листья.

Глядя им вслед, я заметила на аллее, чуть в стороне одинокую, чем-то знакомую фигуру. Где-то я его уже видела, кого-то этот человек мне напоминал. Наверное, это родственник одной из пришедших на похороны Зимаиды старушек. Привез её на машине, чтобы не трястись ей в трамвае через весь город наедине со своими грустными мыслями.

Потом и мы пошли к выходу. Всю дорогу до дома молчали. Но как только переступили порог квартиры, родители сразу заговорили о делах, как будто отряхнули с воротников и обуви вместе с хлопьями талого снега всю свою грусть. Наследство, вещи, документы – понятные повседневные вопросы, их все, в общем-то, так или иначе, можно было решить. Кроме одного. Неожиданно и странно самой неразрешимой проблемой стал бабушкин кот. Старый, полосатый бабушкин Васька, о котором поначалу мы просто забыли. Проще всего было бы, конечно, привезти его к нам домой. Но отец был категорически против: он всегда терпеть не мог кошек. Поэтому в детстве у меня была собака, что тоже, в общем-то, неплохо. Но вот теперь с бабушкиным котом надо было что-то придумывать: кто-то должен был его кормить и убирать за ним, а найти новых хозяев для старого, совсем обычного полосатика было, наверняка, непросто.

– Неужели никто из соседей не возьмет его? – сердито повторял папа.

– Нет, я уже спрашивала, – устало отмахивалась мама.

– Ну, тогда на работе у себя отдай его кому-нибудь, – он начинал уже заметно раздражаться. – Тоже мне, придумали проблему!

– Я завтра после работы заеду, покормлю его и уберу, – сказала я, потому что ссорится из-за кота в такой день было как-то глупо и неуместно.

От моей работы до Зимаидиной коммуналки всего три остановки на метро, и потом ещё минут десять быстрым шагом. Да, лучше быстрым: по слякоти и наледи, не поднимая головы, спрятав лицо под капюшоном от сырого ветра и колючих брызг то ли дождя, то ли снега. Хотя этот район мне всегда нравился: пара шагов от метро и уже никакой суеты. Кирочная улица выходит не спеша к Таврическому саду. Это сейчас он похож на чёрно-белую гравюру, а

скоро зазеленеет, распушится, густая листва пышной пеной будет переливаться через ограду. А дальше респектабельно гудит Суворовский проспект, и где-то тут на маленьком кусочке между ним и садом на одной из улочек – Зимаидина парадная.

Бабушкина коммуналка на предпоследнем этаже. На связке два ключа. Один, светлого металла ключик, открывал всего-навсего входную дверь, украшенную по косяку классической гирляндой кнопок электрических звонков. Второй – огромный, длинный, тяжелый ригельный ключ, больше похожий на холодное оружие – был от Зимаидиной двери. Её комната – самая первая от входа в квартиру. Дальше уводит в глубину темный коридор – там то ли пять, то ли шесть дверей – не самая большая коммуналка, но до конца коридора я, кажется, никогда и не доходила. Бывала раньше только на кухне и в ванной. Кое-как я справилась с тугим замком, юркнула за дверь. Наверное, надо было сначала пройти на кухню, если там кто-нибудь обнаружился бы, то поздороваться, поговорить, объявиться. Есть ведь в коммунальных квартирах какой-то этикет? А может, и нет его. Мне, всю жизнь прожившей в отдельной, это неизвестно. Ладно, я решила дать себе какое-то время. Освоюсь, потом, может, само как-то сложится.

Комната у Зимаиды большая, с высоким потолком. Хотя я тут в последние годы не так часто бывала в гостях, вся обстановка мне до мелочей знакома. Возле двери небольшой холодильник, деревянная тумбочка и полки с посудой. У окна вдоль стены стоит диван, напротив, за шкафом – кровать. Шкаф Зимаида всегда называла шифоньер. Так что за шифоньером. На нем, как и положено, громоздятся пара чемоданов. Стол небольшой круглый, застеленный чистой скатертью, три стула по кругу. Застекленный шкафчик: за дверцами блюда, чашки, бокалы – разрозненная чайно-сервизная дребедень. Ещё одна тумбочка возле дивана. Между

старыми рамами цветы в горшках. Всё знакомое, но чужое. И запах в комнате тоже такой узнаваемый, но совершенно чужой. Мой только вид из трехстворчатого окна на стены и крыши домов – на мой повседневный Питер.

Сделалось неловко, как будто я явилась незваной гостьей, без спроса.

Но кто-то же должен.

Я сняла пальто – совершенно мокрое по такой погоде. Не оставлять же его в комнате. Сразу вспомнилось, что Зимаида строго следила, чтобы в верхней одежде и обуви никто в комнату не входил, здесь и вешалки-то не было. Так что пришлось выйти за дверь, где я сразу же встретила кота. Он гордо, как знамя, неся свой хвост, не спеша вышел навстречу из темноты коммунального коридора. Присмотрелся, принялся, может, даже узнал, стал тереться о ноги, нарезать круги вокруг меня. Из соседней с Зимаидиной двери вышла тётя Рая. Сейчас она в домашнем: в красных спортивных штанах, в резиновых голубых шлепанцах, на голове полотенце. А когда идет на работу её не узнать: волосы тщательно уложены, в ушах золото посверкивает, громко по-хозяйски стучит высокими каблуками по коридору. Встретишь такую королеву на улице и никогда не подумаешь, что она на общей кухне суп варит или ждет по полчаса своей очереди в ванну, намотав, как сейчас, на голову полотенце. Тётя Рая для разгона покивала, расспросила про похороны, потом повела на кухню показать, где там были Зимаидины вещи. Что-то ведь надо будет решать с её мебелью, посудой, прочим скарбом.

Я и без тётки Раи помнила: место у окна, кастрюли и зеленый эмалированный таз на застеленном клетчатой клеенкой столе, безмен на гвоздике висит, чайник, конечно же. А соседка пока спрашивает как бы невзначай: что с комнатой делать думаете, продадите или сдавать будете? А мы с родителями ещё толком ничего не решили. Рая губы поджала: думает, наверное, что не хочу говорить. Помолчала, потом вдруг оттаяла:

– Или что, думаете, Зинаида этому своему отписать комнату могла? Ну, который всё к ней ходил? Завещание-то было?

– Кто к ней ходил?

Представилось сразу, что какой-нибудь старичок стал в последние годы навещать нашу Оргиевну. Она его чаем поила, под ручку ходила с ним по Таврическому саду гулять. Да нет, бред какой, я даже головой тряхнула. Какой старичок к ней по доброй воле сунулся бы? Разве что какой-нибудь старый пират на одной ноге. Чуть что не так – тресь костылём Зимаиду по голове...

– Ну, этот, молодой. Андрей, кажется, – рассказывала тем временем Рая. – Андрей, точно, Андрей его зовут. Родственник ваш?

– Я спрошу у родителей, – растерялась я.

Рая, видимо, полностью убедилась в моей бестолковости, махнула рукой, ушла к себе.

Я вернулась в комнату, покормила кота, позвонила маме. О молодом человеке по имени Андрей она ничего не знала. С лёгким беспокойством в голосе обещала позвонить в собес, может, они присылали социального работника.

Глупые какие-то хлопоты. Мебель и посуду надо предложить соседям. Одежду отдать в благотворительный фонд. А комнату продать. Интересно только, хранила ли Зимаида какие-нибудь старые фотографии, письма, памятные семейные вещи? Я открыла шкаф, он же шифоньер. Скрипнули створки, сделалось неловко: куда полезла без спросу? Аккуратные стопки белья, выглаженная одежда на полках и на вешалках. Зимаида говорила «отутюженная». Да, всё отутюженное, пахнет нафталином. Где она только его брала? Кажется, он уже и не продаётся нигде. На верхних полках что-то завернуто в газету. Я отогнула краешек: её меховая шапка. Понятно, но неинтересно. Кот запрыгнул на нижнюю полку, пришлось его прогнать и шкаф закрыть.

Кота было жалко, его надо было оставить одного в запертой комнате. Тётя Рая успела пожаловаться: он в коридоре обои рвет, все соседи очень недовольны. Теперь ему, бедняге,

придется сидеть до завтра одному. Я взяла кота на руки, села на бабушкин диван. В этой комнате всё бабушкино, каждая вещь её, помнит её руки. Одно из первых моих воспоминаний о Зимаиде – это её руки. Твердые, покрытые маленькими темными пятнышками, вертят меня, жесткие пальцы неприятно ощупывают, словно она из меня бульон собралась варить.

– Кожа да кости, – приговаривает Зинаида Георгиевна. – Кожа да кости. Тебя что, родители совсем не кормят? Оля, ты почему так плохо ешь? Ты что, не понимаешь, что ты должна хорошо питаться, чтобы вырасти здоровой.

И когда мама приходит меня забирать, Зимаида долго ей выговаривает, что она неправильно кормит ребёнка.

Так я и сидела среди чужого никому уже не нужного порядка, рассеянно гладила полосатую спинку задремавшего кота, и всё собиралась встать, одеться, уехать. Уехать – это хорошо сказано. Уезжать надо не просто так, а куда-то, чтобы что-то ещё было написано в конце предложения. Сейчас я вернусь к родителям. И снова не смогу избавиться от чувства, что за те три года, что я провела в Москве с Генкой, у них установился новый жизненный порядок. И теперь, когда я снова живу у них, то и я, и они, должны вернуться к старому укладу, играть прежние роли. Как будто влезать в одежды, из которых мы уже выросли. Наверное, нам нужно было бы попытаться выстроить какие-то новые отношения. Но тут опять-таки Генка всплывает: считается, что у родителей я живу «пока». Пока он не вернется в Питер, или пока я не решу снова жить с ним в Москве. «Пока» – такое маленькое, неприятное слово, которое всё время путается под ногами и не даёт сделать ни шагу.

Можно уехать в нашу с Генкой съёмную квартиру в Москве. Я даже знаю, как это будет. Так точно себе представляю, как будто в кино видела. Он встретит меня на Ленинградском вокзале, чмокнет торопливо в губы, выхватит ручку чемодана. В толпе, в толчее, в шуме, скорее, скорее: тут с парковкой проблемы. Довезет до дома, и начнет оправдываться, что очень – ну, очень торопится, вообще буквально на пол часика отскочил из офиса. Я ведь справлюсь тут пока сама? Точно справлюсь? А ключи не потеряла? Может, уже садясь в машину, обернётся и всё-таки скажет приятное: «Оля, я очень рад, что ты приехала!» Но уже вечером начнёт нудеть, что он так и знал, что он ведь говорил, что целых полгода он оплачивал эту квартиру, которая ему такая большая одному не нужна, а я не приезжала, что неужели я не понимаю... Всё понимаю, Гена, я всё понимаю. В Москве – деньги, карьера, работа. Ну вот, опять я начинаю с ним спорить, так, как будто он рядом, сидит на Зимаидином диване. А даже если бы и сидел, разве он когда-нибудь слышал меня? Я тряхнула головой. Нет, к Генке я не поеду.

Кот поднял голову, посмотрел на меня круглыми желтыми глазами, как будто спрашивал, куда же я тогда собралась уезжать. А может, и правда не надо никуда уезжать. Взять и остаться жить здесь, в этой комнате. В коммуналке – вот этого бы точно Генка не понял. И снова я завела с ним воображаемый разговор, и снова он как будто смотрел на меня с этим ненавистным выражением торопливой скуки на лице. Ему скучно меня слушать, он знает, что всё равно прав. Потому что он всегда прав. От воображаемого разговора с Генкой настроение испортилось окончательно. Да что же это такое? Всё время надо на кого-то оглядываться? Вот есть у меня сейчас эти двадцать с чем-то метров с высоким потолком, старой мебелью и окном во двор – и отлично!

Доехав до дома, я уже была уверена, что это именно то, что мне сейчас нужно – пожить немного одной. Перевести дыхание, собраться с мыслями. Родители переглянулись с удивлением, завели долгий разговор. Наконец, мама, которая сначала только отговаривала меня от переезда в коммунальную квартиру, вздохнула, развела руками, извиняющимся тоном сказала:

– Тебе оттуда до работы хотя бы ближе добираться будет.

– В конце концов, если тебе так уж этого хочется, поживи там какое-то время, – разрешил вслед за ней папа и добавил:

– Это будет полезный жизненный опыт для тебя. В смысле освоения коммунального быта. Понюхаешь пороху, так сказать. Да и до нас тут рукой подать, если что.

– Вот поживёшь немного одна, а там, может, уже и с Геночкой решите что-нибудь, – снова вздохнула мама.

Я тоже вздохнула и пошла собирать сумку. Немного самых необходимых вещей, чтобы на завтра после работы уже не возвращаться домой, а сразу поехать в бабушкину комнату с видом на старый вяз и угол дома напротив.

У меня было всего четыре урока, но после них сегодня я чувствовала себя совершенно разбитой. А ведь так хотелось бы, чтобы всё было совсем иначе. Хотелось бы провести занятие, как танец протанцевать: легко кружиться, подхватывать под локоток порхающие по классу английские словечки, улыбаться, кивать. Но получается разгрузка-погрузка булыжников. Нехитрые предложения так тяжело даются некоторым моим студентам, что я почти физически ощущаю их неподъемную тяжесть. Прыгаю у доски, словно массовик-затейник: «Артем, видите тут вопросительный знак? Он такой тяжелый, что в одиночку глаголу не справиться, и мы должны позвать на помощь – кого? – вспомогательный глагол!» Артем хмурит брови, с тоской смотрит в окно. Занятие заканчивается, и я задаюсь вопросом: как можно научить танцевать того, кто даже не хочет подняться со стула?

Когда ещё доучивалась в университете, и весь следующий год я работала в лицее, тоже преподавала английский в старших классах. Моими учениками были ребята примерно того же возраста, что и эти студенты. На этом сходство и заканчивается. На уроках мы работали, просто работали, и мне казалось тогда, что это совершенно нормально, что иначе и не бывает. Я с тоской вспомнила, как даже после звонка, на переменах ребята облепляли мой стол, показывали какие-нибудь забавные ролики из интернета, спрашивали значение того или другого услышанного ими английского слова. После уроков с ними, я летала, как на крыльях. За два года они ни разу не спросили меня, зачем им нужен английский язык. А потом Генка решил делать карьеру в Москве, и мне пришлось уволиться.

От моей работы до Зимаидино дома, действительно, получается намного ближе, чем до квартиры родителей. Теперь я уже увереннее поворачиваю ключ в замке входной двери. На этот раз в коридоре сталкиваюсь с закутанной в огромный, в розовых розах халат Нинкой. Нинка – может, даже постарше тети Раи, но почему-то она – просто Нинка или Нина, без «тёти» и без отчества.

– Райка сказала, ты тут пока поживешь? – спрашивает. – А потом что думаете? Продавать или сдавать кому?

– Не знаю, пока не решили, – отвечаю, и чувствую, что Нинка не довольна моим ответом. Ну да, им это важно. Появление нового соседа – событие планетарного масштаба в этой вселенной.

Кот обрадовался мне, стал тереться о ноги, урчать. Я вытащила из сумки свои вещи и спохватилась: надо бы придумать что-то на ужин, да и на завтрак. Мама какую-то еду, конечно, положила мне с собой, но переезд можно было бы и отметить. И помянуть Зимаиду.

Я снова влезла в пальто и мокрые ботинки, вышла и огляделась: в какую бы сторону пойти в поисках магазина. На другой стороне маячила мужская фигура, и полупустая улица дохнула на меня легким ветерком беспокойства: показалось, что я узнала его. Три дня назад, в тот день, когда умерла Зимаида, не его ли я видела возле дома? А потом на кладбище, вроде бы, это тоже был он... Или я всё это выдумала? Просто стоит парень и курит? Черты лица на таком расстоянии с моим зрением не разглядеть. Одет так, как почти все в Питере одеваются: джинсы, темная куртка с капюшоном, сумка через плечо. Сразу вспомнилось, как тётя Рая рассказывала про человека, который приходил к Зимаиде. Андрей, точно, Андрей его звали.

Магазин отыскался на соседней улице: тесный супермаркетик в полуподвале – три скользкие ступеньки вниз. Азиатская тетенька пробила мои покупки: кроме обычного набора ещё бутылка вина. Сейчас пойду обратно по другой стороне улицы. И если этот парень, предположим, что его зовут Андрей, стоит там, то я... Я по крайней мере его рассмотрю.

Ни снега, ни дождя сегодня с неба не летело, и даже можно было уже поверить в то, что совсем скоро под весенним солнцем оживут черные деревья на газонах, и можно будет выходить на улицу без шарфа и пальто. Фонари ещё не горели, но на улицу уже начали прокрадываться сумерки. Пешеходы быстро шагали по своим делам мимо привычных им старых петербургских домов, дисциплинированно выстроившихся вдоль тротуара. Теперь уже никто не стоял ни на той, ни на этой стороне улицы. Ну и ладно. Может, я просто выдумала всё это.

Я укрылась в своей – буду теперь считать, что в своей, а не в Зимаидиной – комнате. Если теперь тут живу я, то и правила будут мои. У Зимаиды было очень много запретов и правил, буквально на каждом сантиметре комнаты было что-нибудь нельзя или невежливо, некрасиво или неположено. Вот, например, сидеть на её кровати гостям было нельзя: негигиенично в верхней одежде сидеть там, где человек спит. Так что первым делом я залезла с ногами на кровать – старую металлическую кровать, где под полосатым матрасом прогибалась, поскрипывая, металлическая сетка. Спать на ней было неудобно, поэтому родители и купили бабушке диван. Но она, конечно, продолжала спать на кровати. Потому что это же надо было такое выдумать: каждое утро снимать всё постельное бельё и складывать в ящик, куда с пола пыль летит. Нет, у бабушки на полу была не пыль. Она говорила «сор». И если заходила соседка, то Зимаида потом показательно протирала пол тряпкой, потому что соседка из коридора сору нанесла. Сижу, раскачиваюсь вверх-вниз и вспоминаю, как прыгала на этой кровати, когда была совсем маленькая.

Когда я была маленькая, меня иногда привозили к Зимаиде и оставляли на день или на полдня. Даже ещё когда я училась в начальной школе, она иногда после уроков забирала меня к себе. Я вдруг ясно вспомнила, как мы сидели с бабушкой на её кровати – диван тогда ещё не был куплен – откинулись на подушки, на мне коричневое школьное платье с белым воротником и черным, неудобным фартуком, на ней – синий фланелевый халат с крупными цветами. Бабушка рассказывает мне сказку. Самая её любимая была «Сказка о потерянном времени». Иногда она просто читала её вслух из тоненькой книжки с цветными картинками, но намного интереснее были её вариации на тему шварцевского сюжета. Подпитываясь силой причудливого Зимаидиногo воображения, сказка пускала прихотливые побеги. Я узнавала, из какой страны появились у нас в городе злые волшебники, и о других ребятах, которые оказывались втянуты в эту историю. Как и все дети, я любила оставаться в рамках знакомого сюжета, слушать одно и то же по сто раз. Почему-то и несговорчивая почти по любому другому поводу Зимаида, не уставала снова и снова возвращаться к этой истории.

«Жили-были далеко на западе злые волшебники. Они считали себя лучше всех и хотели остальных людей заставить жить по своим правилам. И вот однажды они придумали отбирать у других людей время. Они рассудили, что другим время не нужно, раз уж они всё равно тратят его попусту».

Примерно так чаще всего начиналась эта сказка в вольном Зимаидином изложении.

«С утра до ночи, а точнее с ночи до утра они читали свои волшебные книги. Потому что для того, чтобы учинить безобразия, какое они задумали, им нужно было хорошо подготовиться. В ночной темноте было не видно, что написано в этих книгах, и волшебники вывесили над своей страной ещё одно солнце, которое светило даже ночью. Но только это было не наше тёплое светлое солнышко, это было страшное черное солнце с кривыми короткими лучами».

«А что волшебники делали днём, если по ночам они читали книги?» – спрашивала я. Это был не праздный вопрос. Класса со второго я начала довольно много читать, причем

читала «запоями»: если попадалась стоящая книга, я не могла отложить её, пока не доходила до последней строчки. Так я читала весь день, даже на уроках, положив книгу под партой на колени, и полночи, подождав, пока родители потеряют бдительность, и включив фонарик под одеялом. Потом я могла два-три месяца не брать в руки книг – до следующей, которая захватывала меня, не давая спать по ночам. Так что тут я очень сочувствовала злым волшебникам, даже не смотря на то, что они были злые, и представляла себе, как утром они зевают и сонные бродят по своему замку, спотыкаясь на лестницах.

«А днём они устраивали заседания с другими колдунами», – неуверенно сообщила Зимаида. Её повествование не всегда было гладким. Иногда она отвлекалась, сбивалась с мысли, и тогда начинала раздражаться.

«Наверное, у них были какие-нибудь колдовские предметы: волшебные палочки, шапки-невидимки, да?» – подсказываю я.

«Старших перебивать нельзя! – сердится Зимаида. – Слушай внимательно, и всё узнаешь. То же мне, придумала! Волшебные палочки! Это тебе не какая-нибудь сказка для маленьких! У них были настоящие пистолеты, автоматы, танки и самолеты. И везде на своём оружии они рисовали волшебные черные знаки».

Тут я начинала сомневаться:

«Зимаида, ой, Зинаида Геог...риевна, а разве в сказках могут быть пистолеты и автоматы? Это не по-сказочному. Должны быть мечи, щиты, копья».

«Правильно, было у них ещё с древних времен волшебное копьё. И колдуны верили, что у кого это копьё – тот победит в любом бою. А ещё у них была волшебная чашка, кто из неё выпьет, тот от всех болезней вылечится, все раны на нем заживут».

«А что, разве они собирались воевать? – я чувствовала, что нить повествования всё больше запутывается в бабушкиных руках.

«Ещё как собирались! Только я не могу так рассказывать, когда ты через слово перебиваешь! Тебе что, родители не объясняли, что перебивать старших невежливо! Сколько можно уже: одно и то же, одно и то же! Разве можно быть такой бездельницей? Что ты сидишь? Вот что ты сидишь? У тебя все уроки сделаны? Сказку ей расскажи. Как маленькая прямо. Сколько можно, одно и то же...»

Я росла, Зимаида тоже становилась старше, её сказка делалась всё запутаннее, а в словах бабушки мне уже чаще слышалось почему-то уже не столько раздражение, сколько усталость.

Я слезла с кровати, налила себе вина и подошла к окну. Там качал голыми черными ветками старый вяз, окна перемигивались желтыми глазами с фонарем, поскрипывали детские качели. На них, отталкиваясь ногой от земли, сидела одинокая фигурка. Кто – откуда не разглядеть.

Утро в коммуналке началось раньше, чем хотелось бы. Соседи ходили по коридору, хлопали дверями, переговаривались, на кухне свистел чайник, у кого-то звонил телефон. А мне всё равно. Есть всё-таки плюсы в профессии преподавателя: расписание составлено так, что мне в колледже нужно быть только четыре раза в неделю. Так что я перевернулась на другой бок и попыталась снова заснуть. Под ногами что-то зашевелилось, я даже испугалась, но потом поняла, что это кот. Вчера он заснул уютным калачом на Зимаидиной кровати, а с утра, видимо, перебрался ко мне на диван.

На кухне солнце играло на квадратиках линолеума, прыгало, как девчонка по клеточкам. Окно приоткрыто, стекло с трещиной через всё утреннее небо показывало хороший весенний денек. На ветке под окном синица громко просила: «Пи-ить! Пи-ить!»

Я поставила слишком большой эмалированный Зимаидин чайник на плиту, и пока он закипал, изучила содержимое теперь уже моего стола. Старая, но чистая посуда, несколько

пустых стеклянных банок, увядший букетик полиэтиленовых пакетов, спички и пара запасных электрических лампочек.

За спиной кто-то зашаркал, закашлял. Появился сосед: лысинка, белая майка, пузико наперевес. Это Сергей Михалыч, который со своей женой, Ириной Сергеевной живёт в самом конце коридора. Так сложилось, что теперь он остался единственным мужчиной в этой коммуналке. Это не смущает его, а наоборот, по его мнению, наделяет особыми правами: давать советы, оставлять за собой последнее слово и без очереди ходить в ванную. Сергей Михалыч окинул меня хозяйским взглядом, спросил:

– Райка сказала, ты тут временно поживешь? Что потом планируете? Сдавать будете?

– Мы ещё не решили, – дежурно отвечаю я. Как будто компьютерной мышкой выделила кусочек прошлого, нажала «скопировать», а потом щёлкнула на это утро, и жму: «вставить».

– Только учтите, что если продавать, – назидательно машет в мою сторону пальцем Сергей Михалыч, – то по закону сначала всем соседям нужно предложить, а только потом ещё кому-то на стороне. Учтите, что к нам первым надо обратиться!

– Учтем, – говорю.

Сергей Михалыч снова оглядел меня с ног до головы, вздохнул, и сказал:

– И спички мои не бери.

А я подумала, что нужно купить электрический чайник, чтобы пореже выходить на кухню.

С раскаленным монстром в руке, стараясь не обжечься паром, я проделала обратный путь до комнаты. Только пристроила чайник на столе, в дверь кто-то поскрёб. Открываю – тётя Рая стоит.

– Оля, ты это... – воровато оглядываясь, говорит она, – Тебя Михалыч про комнату спрашивал? Так ты это, если надумаешь продавать, сначала лучше мне скажи. Я выкуплю. А если он – то всё, пропадёт квартира. Он будет комнату азиатам сдавать. Специально, всем нам назло. А сам на дачу уедет жить. А они, ну ты сама понимаешь...

В коридор ещё кто-то вышел, хлопнула дверь, тётя Рая торопливо шмыгнула к себе, в соседнюю комнату.

Я налила себе кофе и, глядя в окно, на умытые солнечным светом дома, улыбающиеся во все свои окна, с кошачьим удовольствием подставляющие крыши весеннему небу, подумала, что с продажей комнаты можно и не спешить.

– Давай посмотрим, что Зимаида хранила в этих своих тумбочках, – предложила я коту после завтрака.

В первой тумбочке, той, что побольше, оказались продуктовые запасы, в основном крупы и консервы. Да, помню, Зимаида как-то отчитывала маму за то, что у неё в холодильнике «шаром покати». Мне в детстве очень нравилось, когда она говорила про этот шар. Я даже попыталась засунуть на полку своей резиновый мяч и покатать его там, но ничего не получилось, только опрокинула и разлила бутылку с молоком.

– Так вот, Васька, зачем ты здесь нужен, – погладила я кота, которому очень нравилась открытая тумбочка. – Крупы от мышей стеречь.

Во второй, маленькой тумбочке обнаружили бумаги. Газеты, журналы, несколько картонных папок. Почему-то больше всего мне хотелось найти именно Зимаидин архив. Наверное, потому, что она запомнилась мне довольно скрытным человеком. О себе говорить не любила, так что скудные разрозненные кусочки бабушкиной биографии я складывала по маминим рассказам, тоже не очень-то разнообразным.

Я знала, что война застала Зимаиду ещё школьницей, и первую блокадную зиму она провела в осажденном Ленинграде. Моя учительница как-то на девятое мая приглашала её в наш

класс: выступить со своими воспоминаниями. Зимаида наотрез отказалась и долго возмущалась потом, как такое вообще могло прийти кому-то в голову.

«Нашли артистку, – ворчала она. – Перед пионерами выступать. Воспоминания мои им понадобились! Видела я, что бывает за такие воспоминания. Нашли дурочку. Вам бы такое пережить, посмотрела бы я на вас. Не дай вам бог такое пережить».

И уходила за хлебом.

После войны Зимаида сразу вышла замуж. Училась, работала, потом, уже в пятьдесят втором родилась моя мама. Когда маме было, кажется, лет пять, её отец, Зимаидин муж, ушел от них. Ещё в детстве я обнаружила, что этот эпизод семейной истории наглухо запечатан, да ещё, похоже, обмотан колючей проволокой. Именно из-за неведомого мне деда произошла одна из самых серьёзных ссор между бабушкой и родителями. Как-то Зимаида, сидя у нас в гостях, объясняла папе, что ему давно пора бы задуматься о карьерном росте.

– Что это за должность такая нелепая в твоём-то возрасте, Саша? – возмущалась Зимаида, – Ну это же просто курам на смех! А у тебя ведь дочь растёт. Ты бы хоть иногда подумал о жене, о ребёнке.

– Вот именно, – откликнулся папа, – Лучше уж я время с семьёй проведу. Вы ведь, Зинаида Георгиевна, знаете, что если меня повысят, то я из командировок вылезать не буду. Да вы вон их спросите: хотят они, чтобы меня с утра до позднего вечера дома не было, чтобы я по полгода в командировках пропадал.

– А и ничего страшного бы не случилось, – отмахивалась бабушка.

– Это вы так говорите, потому что вас когда-то муж бросил, и вы Лёну одна, без него вырастили, – потерял, наконец, терпение папа.

Зимаида сначала покраснела, потом побледнела и начала кричать, выстреливая словами, словно пулеметными очередями:

– Да как ты можешь судить... Да что ты можешь знать... Он никогда нас не бросал... Да честнее человека на всём белом свете... Он человек кристально честный! Кристально! И ноги моей больше не будет в вашем доме!

Это был единственный раз, когда бабушка при мне заговорила о своем бывшем муже, моем дедушке. После той ссоры Зимаида, действительно, довольно долго не ходила к нам, а я пыталась представить себе своего деда, о котором ни до, ни после ничего не слышала и не видела даже на фотографиях. Поэтому так и рисовала его в своём детском воображении кристальным человеком: составленным из полупрозрачных дымчатых кристаллов, какие мне показывали на экскурсии в минералогическом музее. Потом что-то случилось, и он рассыпался с легким мелодичным звоном и пропал из нашей жизни. Мама тоже никогда о нём не говорила. Она плохо его помнила, знала только, что он прошел всю войну. Став старше, я предположила, что, вероятно, он мог быть репрессирован. Хотя из семьи он ушел, получается, уже в конце пятидесятых, когда режим не был таким жестким. Спросить Зимаиду я боялась.

Я пересмотрела содержимое тумбы: газеты, квитанции оплаты за комнату, за электричество, какие-то рецепты – кулинарные и медицинские. И наконец-то альбом с фотографиями. Между серых картонных страниц заложены поздравительные открытки, письма. Я аккуратно, чтобы не растерять бабушкин архив, перенесла альбом на стол, открыла. Самые старые снимки на плотном картоне, сделаны явно в фотоателье. Семейный портрет. Женщина – до плеч остриженные кудрявые волосы, причесанные на косой пробор, белая блузка – держит на руках похожую на куклу девочку. За спиной у неё, положив руку ей на плечо, стоит мужчина в широком старомодном пиджаке, коренастый, крупнолицый. Похоже, что кукольная девочка – это маленькая Зимаида. А вот бабушка постарше, тут ей лет семь, она в длинном до колен школьном платье и белом фартуке, в руке тонкий, очевидно пустой пока, новенький портфель. Волосы заплетены в два тощих роголика и затянуты узкими лентами. Личико торжествующее и нос вздернут очень по-боевому. Провожу пальцем по краю фотографии, обрезанному узор-

ными зубчиками. Смотрю, что есть ещё. Несколько коллективных снимков. Группы незнакомцев на фоне шторы с кистями, на парадном крыльце какого-то здания, там же, но в пальто, а вот на природе, вокруг расстеленной на черно-белой траве скатерти. На каждом из снимков нахожу Зимаиду – молодую и уже постарше.

А вот фотографии каких-то мужчин: может быть, кто-то из них – мой дед. Первый, самый ранний снимок шуточный: трое мальчишек, весело обнявшись, сидят на скамейке во дворе дома, корчат рожи. Вот их уже пятеро в смешных длинных плавках на пляже возле Петропавловки, тут они взрослее. Несколько портретов мужчин в военной форме. Это всё групповые снимки, так что узнать на них деда невозможно. Кроме того, почти все они такие размытые, выгоревшие, что лица с трудом можно отличить одно от другого. И ни одного послевоенного снимка. Ни одной свадебной фотографии.

Потом появляются портреты маленькой мамы. Есть несколько фотографий, на которых я и папа. И все мы вместе с бабушкой, почему-то почти каждый раз за столом, на котором то новогодние салаты, то букеты и торты по случаю дня рождения.

В конце альбома было несколько пустых страниц, и я стала листать теперь в обратную сторону, к началу. И поймала себя на том, что вдруг услышала, как тихо в комнате. Наверное, просто стала вслушиваться в эту тишину. Глупо. Банальная фраза «фотографии могут многое рассказать» меня подвела. Снимки молчат.

Кот запрыгнул на стол, прошел мягкими лапами, стал осторожно обнюхивать бумаги. А вот Зимаида, наверняка, не разрешала ему гулять по скатерти: негигиенично.

Кое-где между плотными листами альбома вложены письма, поздравительные открытки и телеграммы. В основном обычные дежурные фразы о здоровье, о детях, о летнем отдыхе. «Дорогая Зиночка... сердечно... позволь от души... как там наши... напиши обязательно... с наилучшими». В каждом письме от неизвестных мне бабушкиных знакомых упоминаются люди и малозначимые, повседневные события, которые ни о чем не говорят мне.

Между последней страницей альбома и обложкой заложены какие-то рукописные листки, завернутые в полиэтиленовый пакет. Совсем небольшой сверток. Как только я развернула полиэтилен, сразу поняла, почему эти бумаги лежали отдельно: это были письма с фронта. Перебрав истончившиеся на местах сгибов всё ещё, хотя и едва уловимо, пахнущие табаком пожелтевшие листочки, я с разочарованием поняла, что письмо было всего одно. На остальных листках были стихи, тоже, видимо, отправленные когда-то по почте, в конвертах или фронтowymi треугольниками. Знакомое, напевное, сразу зазвучавшее мелодией:

*«Ты сейчас далеко-далеко,
Между нами снега и снега...
До тебя мне дойти не легко,
А до смерти – четыре шага».*

И незнакомое, в ритме уверенного марша:

*«Будем живы – не помрём.
Срок придёт, назад вернёмся,
Что отдали – всё вернём!»*

И пронзительное, кажется, это Симонов:

*«Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло».*

Между листками заложена фотография, совсем маленькая, наверное, два на три сантиметра, отклеенная с какого-то документа. На снимке молодое, почти мальчишеское лицо, особенно ничем не примечательное, коротко остриженные светлые волосы, мягкие черты лица, плотно сжатые губы. А письмо – всего-то один листок, исписанный уверенным ровным почерком, и внизу лихо, смелой линией намечен силуэт городского пейзажа – стрелка Васильевского острова.

Я затаила дыхание, заволновалась, словно Зимаида могла бы войти сейчас в комнату, отобрать у меня листок и отчитать за то, что я взяла альбом без спросу. Почему-то другие чужие письма я пробегала глазами без малейшего зазрения совести, а тут вдруг только что не покраснела.

«Дорогая моя Зиночка,

Ты не представляешь себе, как я был рад получить письмо от тебя! Ты даже не знаешь, как часто я вспоминаю тебя и всех ребят. Как хочется узнать, живы ли. А пишу тебе из госпиталя. Не переживай за меня, это совсем легкое ранение, скоро опять на фронт. Здесь уже совсем тепло, цветет сирень, птицы поют и не верится, что всё это может погибнуть. Мне до сих пор не верится в то, что происходит война, хотя и видел её своими глазами.

Зиночка, когда всё это закончится, я вернусь к тебе в Ленинград, и мы больше никогда не будем расставаться. У вас сейчас уже белые ночи, и я часто вспоминаю, как мы гуляли год назад. Лежу и перед сном кручу у себя в голове, словно киноленту: как шли от нас, с Советского проспекта по всему проспекту 25 Октября, совсем пустому, в ночное время такому непривычно просторному и тихому. Шли, глядя на иголку Адмиралтейства, как на стрелку компаса. А там можно было повернуть налево, на площадь Воровского. Там, возле собора и вокруг Медного всадника тоже такая чудесная была сирень».

Я перечитала ещё раз последние строчки. Странная какая-то география Петербурга, то есть Ленинграда, конечно. Проспект 25 октября, это получается – Невский? А площадь Воровского – это Исаакиевская? Вроде бы я читала где-то о переименовании улиц после революции, но сейчас эти названия звучат странно и непривычно, как чужие голоса в родном доме. Пришлось признаться себе, что даже не знаю, кто такой был этот Воровский, хотя его имя, оказывается, носила одна из центральных площадей города.

«Вспоминаю всё так ярко, потому что сейчас у меня возле койки стоит в кружке ветка сирени. Для меня это самый ленинградский запах, после запаха корюшки, конечно. Остался я этой весной без корюшки – впервые в жизни. Так что съешь там двойную порцию: за меня и за себя».

Если год назад они вместе гуляли по проспектам, то это была, видимо, предвоенная весна сорок первого. То есть пишет он весной сорок второго. После самой страшной голодной блокадной зимы. Какая там могла быть двойная порция? Получается, что же, он не знал, что в городе происходило?

«А можно свернуть у Адмиралтейства направо, на площадь Урицкого и возле Эрмитажа выйти на набережную. Стоять там, ладонями чувствовать, как нагрелся за день гранит парапета, слушать, как Нева шумит, катит мимо. Стрелку Васильевского острова я мог бы даже с закрытыми глазами нарисовать. Всё это вижу, держу в памяти, не хочу и не буду думать о том, что в моём городе что-то разрушено, разбомблено, сожжено. А ещё я верю, что с тобой всё хорошо. Глаза закрываю и тоже могу тебя увидеть. В том твоём платье, про которое мы спорили лиловое оно или сиреневое. Я теперь хочу согласиться с тобой и тоже называть его сиреневым.

Зиночка, ты обязательно пиши мне. Не унывай, несмотря ни на что. Пиши, как там все. Береги себя, Зиночка! И жди победы! А обо мне не тревожься.

Крепко обнимаю тебя,

Навсегда твой Зимин А.»

Судя по фамилии, это письмо от деда. Что за подпись такая: «Зимин А.» А как его звали? И тут спохватилась: ну и дурочка же я. Мама ведь Елена Андреевна, значит, её отец был Зимин Андрей. Что-то это имя меня преследует. Я ещё раз перечитала письмо и почему-то вдруг заплакала.

Иногда телефон оживает так неожиданно и громко, что я вздрагиваю.

– Оля, привет!

– Привет, Ген.

– Что ты не звонишь? Куда пропала?

– Я же тебе говорила: у меня бабушка умерла. Были похороны. Ну и дела всякие. Знаешь, я тут решила на время переехать в её комнату и пожить немного одна.

– Напомни, пожалуйста, где она жила? – ненавижу, когда он говорит со мной, как с клиенткой, официальными отшлифованными словами.

– В десяти минутах от Чернышевской.

– Так ты теперь у меня невеста с приданым? Однушка в центре – это, знаешь ли, не плохо, – смеётся он новым своим московским смехом, в котором слышится шуршание денежных купюр.

– Нет, Ген, это коммуналка, не отдельная, – оправдываюсь я, и уже чувствую, что зря сказала, надо было не уточнять.

– Коммуналка? Оленька, ну ты что же делаешь! То есть я в Москве такие деньги за хорошую квартиру плачу, а ты – в коммуналке?!

И ещё пять минут причитаний и выговоров по поводу зря потраченных денег, усилий, планов.

– Гена, это временно, – слабо пишу я в трубку, но он уже опять перешел к делу:

– Я собственно звоню сказать, что на следующие выходные приеду в Питер. Так что скоро увидимся. А ты пока подумай, когда тебе удобно будет поехать: сразу или придётся всё-таки доработать до конца учебного года в этом твоём колледже.

– Куда поехать?

– В Москву, столицу нашей Родины! – говорит Генка и сам смеется. Можно подумать, такая удачная шутка.

Ненавижу, когда меня ставят перед выбором, и выбрать нужно наименьшее из двух зол. При этом звучит фраза: "Делай как хочешь!"

«Ты комнату в коммуналке хочешь тете Рае или Михалычу продать? Решай, как ты хочешь». Я не хочу её продавать, я хочу пока сама тут пожить, дыхание перевести, побыть одна, наедине с собой.

"Вам эту группу третьим или четвертым уроком поставить? Как вы хотите?" Я вообще не хочу работать в этой группе. Там семнадцать студентов, и английский им совершенно не нужен, о чём они не устают мне каждый раз напоминать.

"Ты в Москву сейчас хочешь переехать или потом?" Мне нравится Москва, но жить я там не хочу ни сейчас, ни потом. Она мне велика, как одежда с чужого плеча, и поэтому я чувствую себя в ней неловко и неуклюже. Так что сейчас я хочу просто сидеть в моей новой комнате, раскрыв на коленях книгу, или смотреть в окно, следить за тем, как плывут над крышами облака, постараться, чтобы также спокойно плыли мысли в голове, а не скакали от "нужно" к "должно".

На следующее утро я должна быть на работе. Должна – значит буду. И даже в приподнятом настроении. Весна всё-таки, воздух совсем другой стал, в стеклах машин солнце зайчиками скачет, улыбки мелькают на эскалаторе. Да и тут за партами передо мной лица молодые, симпатичные. Ну, давайте поработаем, ребята!

Урок разыгрывается знакомой пьеской.

Итак. Действие первое, комическое, а, может, и трагическое – это как посмотреть.

Место действия: класс, за партами ученики, учитель у доски, идёт урок.

В ролях: учительница английского языка – это я,

Алина – блондинка на второй парте у окна,

Юля – её подруга и соседка по парте,

Наташа – старательная девушка с первой парты,

Ученики – студенты 2 курса, будущие бухгалтера.

Я: Отвечаем на вопрос "What is the main role of managers in companies in our country?"⁴
Алина!

Алина: А? Что, я?

Я: Yes, answer the question please!⁵

Алина: Ааа. Ну... А где?

Наташа (оборачивается, показывает пальцем строчку в учебнике): Вот! ответить на вопрос!

⁴ Какова главная роль менеджеров в компаниях в нашей стране? (англ.)

⁵ Да, ответьте, пожалуйста, на вопрос! (англ.)

Алина: Ну... а это типа про менеджера? Ладно, это...of managers...the main role of managers...in our country⁶ –это типа у нас?

Юля (громким шепотом): А ты глаза уже накрутила?

Алина (тоже шепотом): Ты, что, дура? Не видишь что ли? (громко) The main role of managers⁷...

Юля: Так это у тебя Лореаль?

Алина (шепотом): Ну да, слушай, мне Влад обещал Макс Фактор... подожди (громко) in our country managers⁸... а чё говорить-то?

Я: Это было домашнее задание. И на прошлом уроке мы всё это подробно разбирали.

Юля (шепотом): А чё другой глаз-то так накрутила? Смотри! Ваще!

Алина: Ну что-о? (нервно хватая сумочку, что-то ищет в ней, достаёт зеркальце и пристально разглядывает своё отражение). Блин!

Я: выдерживаю паузу, мне интересно, сколько девушки будут "в отключке".

Ученики: не проявляют удивления или беспокойства, потому что уже привыкли к выходкам Алины и Юли.

Юля: А чё за помада? Новая что ли? Я не поняла....

Алина (снова роется в сумочке, не находит искомого, вываливает на парту всё содержимое, в основном это косметика): Вот эта. Нормальная такая.

Ученики: начинают испытывать лёгкое смятение.

Наташа: Ну хватит вам уже! Алинка, отвечай нормально! Тебя же все ждут!

Алина (отрывая лореальный взгляд от зеркальца): Ну чё-о?

Я: Так какова же роль менеджеров в нашей стране?

Алина: А? Ну, ладно. Ой, а можно, я в другой раз отвечу. Я шас не могу....

Занавес.

Гена всё время говорил, что я должна уволиться. А я так и не уволилась. Хотя могла бы: очень было бы логично – выставить оценки за полугодие и перед началом каникул, корректно так, ровно за две недели, предупредить начальство об уходе. Я даже попыталась это сделать. Пришла к директору Владимиру Семёновичу, а он тут же заставил меня расписаться на каком-то листке.

– Что это? – спрашиваю. А он удивился и говорит:

– Ну как же, это о получении премии за полугодие. Вам разве Вероника Степановна не говорила?

Не говорила. Приятный сюрприз получился. Заводить разговор об увольнении как-то неловко было с подписанной платежкой в кулачке.

Во второй раз я предусмотрительно сделала печальное лицо и с серьёзным видом зашла к начальству в кабинет. Отрываясь от компьютера, Владимир Семёнович озабоченно спросил:

– Ну как там наши ребята?

– Мне очень тяжело работать в двести третьей группе, – начала я.

– Как раз по этому поводу тоже хотел с вами переговорить, – энергично отозвался директор и зашуршал бумагами на столе. – Как Вы оцениваете успехи Игоря Соколовского?

– Очень плохо. Владимир Семенович, нам бы эту группу разделить на две, по уровням знаний. Иначе получается, что слабые ребята тормозят всю группу. У них вообще нет желания учить язык, я уже и не знаю, как можно было бы их заинтересовать. А у Игоря и с дисциплиной большие проблемы, – начинаю ябедничать я, но начальник только машет рукой:

⁶ Менеджеров... главная роль менеджеров... в нашей стране (англ.)

⁷ Главная роль менеджеров... (англ.)

⁸ В нашей стране менеджеры... (англ.)

– У него по всем предметам неуспеваемость и со всеми преподавателями проблемы. Так что на педсовете в среду будем ставить вопрос об отчислении. Разделить группу по уровням было бы, конечно, хорошо, но ведь другого преподавателя языка у меня нет. Держитесь пока. Я на днях ездил в областной институт, думал, может, практикантку дадут, чтобы немного Вас разгрузить, но даже этого не добился. Так что, Ольга Александровна, вся надежда на Вас. Только на Вас!

И ничего я ему не сказала, пошлёпала по лужам к остановке, ждать автобуса, потом несколько остановок на метро, и садиться за проверку контрольных.

Вечером, после работы возвращаюсь в Зимаидину, или теперь уже в свою, коммуналку. Поднимаюсь по лестнице, которая когда-то была красивой. Дома вообще-то не так быстро стареют, как люди. Этому дому чуть больше ста лет, насколько я знаю. Для здания – не такой уж почтенный возраст. Но стены уже в морщинах-трещинах, краска кое-где лоскутами висит. Хотя видно, что он и в молодости был довольно скромным петербуржцем, никаких архитектурных излишеств, просто жилой дом начала двадцатого века. В парадной – сдержанно-красивая форма перил, арочные окна на площадках между этажами. Между третьим и четвертым стоит парень, темная куртка, джинсы, сумка через плечо. Курит, держит сигарету над консервной банкой. Черты лица толком не разглядеть: он стоит спиной к окну, а на лестнице уже довольно темно. Увидел меня, раздавил окурочок о жестянку, искорка высветила светлую челку и спокойный взгляд. А мне что-то беспокойно стало, я даже слегка притормозила на ступеньках. Что это он так внимательно на меня смотрит? И что теперь делать? Рука в кармане нащупала ключи. Ригельный – такой длинный, как оружие. Если что, то я... А может это и есть тот самый Андрей? Прошла мимо, уже поднялась на две ступеньки, ключ в ладошку вдавился до боли, а он вдруг спрашивает:

– Вы ведь Оля? Внучка Зинаиды Георгиевны?

Спокойно так спрашивает, слова у него получаются теплые на ощупь, как будто мы с ним не в темном подъезде стоим, а сидим дома за столом.

– Да, это я.

– Вот возьмите тогда. Это для вас.

И протягивает мне какую-то большую картонную папку.

– А что это?

– Посмотрите. Это, наверное, будет вам интересно.

– А вы – Андрей?

– Да, меня зовут Андрей, – так же спокойно кивает он, а сам уже спускается по лестнице. Я озадаченно смотрю на папку. Она старая, затертая, с завязками-тесемочками.

– Подождите! – пришлось перевеситься через перила, но его силуэт мелькает уже где-то далеко внизу. – Подождите, Андрей! Я хотела Вас спросить...

Но только услышала, как дверь внизу закрылась. Не хлопнула, а просто тихо закрылась. Ну, не бежать же за ним...

Вообще-то я очень хотела есть. Шла домой и вспоминала, что у меня там в холодильнике оставалось, мечтала о бутерброде, пока что-нибудь посушественнее не приготовлю. Но любопытство оказалось сильнее. Первым делом – папка.

Я таких раньше не видела: она по размеру больше, чем обычная, для документов. Завязки с трех сторон. Когда открыла, сразу стало понятно, что это папка художника. Внутри лежали листы с черно-белыми рисунками и неяркими акварельными пейзажами. Бумага старая, пожелтевшая. Первым лежит рисунок углём, набросок: молоденькая девушка в платье, в туфельках на каблучках, подбородок гордо выставила и поглядывает сверху вниз. В уголке подписано размашисто: «Зиночке на память. Зимин. 8 марта 1941 года». Портрет бабушки.

Видимо, подарок на восьмое марта, последней предвоенной весной. Потом пошли виды города: Стрелка, Медный всадник, здание Смольного института. Тщательно проработанный вид на крыши – только где это, не узнать. Порттик какого-то здания с колоннами в глубине сквера. Двор какого-то дома. Люди в военной форме на отдыхе, кто-то прилег на траву, кто-то смотрит вдаль. Улица незнакомого европейского городка с островерхими крышами. Потом башня разрушенного замка на холме на фоне голых деревьев. Видимо, это сохранившиеся рисунки деда. Как хорошо он рисовал! Я бросилась звонить родителям, но вдруг передумала. В воздухе остался висеть неудобный вопрос: как рисунки попали к этому незнакомому человеку? И кто он, в конце концов, такой?

Пока ехала в метро, считала, сколько нужно ещё продержаться до конца учебного года. Оказалось, совсем немного. Эскалатор вез меня вверх, старался поднять настроение, показывал цветные рекламные картинки. Кажется, Чернышевская – одна из самых глубоких станций Питера. Вынырнув из подземных глубин, я обнаружила на улице суетливый солнечный денёк. Для разнообразия решила пройти по бульвару на Фурштадской. Там на повороте так вкусно пахнет свежеспеченным хлебом! Возле дворца бракосочетаний, похожего на дорогое пирожное, вокруг лимузинов волнуются нарядные гости. На скамейках греются на мартовском солнце старушки, кидают голубям хлебные крошки. Дальше – через черно-белый Таврический сад, шурша мокрыми гравиевыми дорожками. Оглядываюсь, ловлю себя на том, что ищу среди прохожих своего загадочного незнакомца. Его нет, и я неожиданно разочарована.

Поднимаясь по лестнице, я встретила жену Михалыча, Ирину Сергеевну, она шла прогуливать крошечную визгливую собачку.

– А, Оля, хорошо, что я вас встретила, – сказала она. – Так вы решили пока в комнате Зинаиды Георгиевны пожить? Да, да. Пусть земля ей будет пухом. А мы вас тогда в график уборки внесем. Мыть коридор и общее пользование.

Я согласилась мыть всё, что нужно, соседка спустилась на одну ступеньку. Но не выдержала и всё-таки спросила:

– А долго жить-то будете здесь? Насовсем въезжаете или так, временно?

Я уже привычно разочаровала её: не знаю, не решила пока. Может, временно, а может, и безвременно.

Дома я села за проверку письменных работ. Посмотрим, может, всё не так плохо. У двоих ребят пятёрки, у семерых – четверки: всё-таки не совсем я бездарный преподаватель. Пятеро написали незамысловатую работу на три, ну, и конечно, моя ужасная троица получает двойки. Почему-то с ними мой скорбный труд всегда пропадает даром. Или просто это я неправильно отношусь к работе. Вот Генка считает, что работать нужно ради денег. И когда оплата труда устраивает, то труд уже никогда не будет скорбным, независимо от результата. А если человек работает за идею, по призванию, ради принципов или общественной пользы – то такой человек, по Генкиному мнению, просто не сумел хорошо устроиться. А мне вот хочется увидеть результат своего труда и добиться от этих троих хоть чего-то.

*Bob doctor. His work hospital*⁹. Проверочная работа на тему глаголов? Артем решает, что проще выкинуть все эти глаголы на фиг!

*She work is does a hospital*¹⁰. Если запихнуть в предложение все пришедшие на ум глаголы, то может, хоть один из них прокатит? Так, наверное, рассуждала Алина.

*What shes job?*¹¹ Написала Юля. Не знаю, как *she*, а я точно ши-занусь!

⁹ Боб врачом. Его работа больница (искаженный англ.)

¹⁰ Её работать есть делать больница (искаженный англ.)

¹¹ Что ейная работа? (искаженный англ.)

Так потихоньку за всеми этими повседневными делами наступил вечер, подкатил незаметно с далеким, чуть доносящимся с проспекта шумом машин, деликатно накинул мне на плечи сумерки, намекнул, что пора включить лампу. Я решила, что в конце рабочего дня можно позволить себе немного расслабиться. От моего новоселья оставалось ещё вино, я налила себе бокал и подошла к окну. Кот запрыгнул на подоконник, тоже стал глядеть вниз: во дворе, за рваным узором голых веток снова кто-то одиноко сидел на качелях. Раскачивался, отталкиваясь одной ногой от земли, в руке вспыхивал маленьким маячком огонёк сигареты. Я была почти уверена, что это Андрей. Странно: я не очень хорошо представляла себе черты его лица, но, кажется, уже научилась узнавать его по каким-то неуловимым приметам.

Надо, наконец, разобраться в этой истории. Он меня знает, я его – нет. Что если я сейчас спущусь и подойду к нему? Скорее, пока не растеряла решимость, подогретую выпитым бокалом, я натянула пальто, ботинки, шарф и спустилась во двор.

Для классического питерского двора-колодца здесь слишком просторно. Дома стоят так, словно поговорив у старого вяза, они решили разойтись и отсюда, из двора видны их спины. В дальнем углу, там, где приткнулись гаражи и мусорные баки, ещё лежат никому не нужные горки темного подтаявшего снега. Детской площадки, насколько я помню, здесь никогда не было. Но откуда-то забрели во двор качели, покрытые облупившейся синей краской, – можно подумать, что спрятались здесь от сборщиков лома. Раскачиваясь, они тихо поскуливают, как бездомное животное.

Как только парень на качелях увидел меня, сразу поднялся, и стоял, ждал, пока я подойду, спокойно глядя, чуть улыбаясь.

– Здравствуйте, Оля.

– Здравствуйте, Андрей.

Наконец, пусть даже в неярких синеватых сумерках, я смогла рассмотреть его. И правда, ничего запоминающегося в его облике не было. Чуть выше меня, светло-русые волосы, правильные, довольно мягкие черты лица. Лет двадцати пяти, наверное. Смотрит спокойно, приветливо. Молчит.

– Андрей, вы вчера передали мне папку. Это рисунки моего деда?

– Да.

– Спасибо. Я, правда, вам благодарна. Тем более что там был портрет моей бабушки. Она несколько дней назад умерла.

– Да, я знаю, – он кивнул, и я поняла, что это его я видела на кладбище.

Помолчали.

– Андрей, вы как-то связаны с нашей семьёй? Вы простите меня, но я не очень понимаю...

Я замялась: для меня простой вопрос о важном бывает иногда сложнее задать, чем спросить о какой-нибудь заковыристой ерунде. Андрей тоже не спешил отвечать, опустил голову, в замешательстве потер верхнюю губу, вздохнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.